

© 2005 г. Ф.Ш. НУРИЕВА

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В работе представлены результаты объемного исследования, которое было предпринято автором по изучению начального этапа становления татарского литературного языка, являющегося изводом поволжско-тюркского литературного языка. На основе детального обследования большого круга памятников разного содержания показано, что литературный язык в Золотой Орде складывался на основе кыпчакского койне, которое в трудах писателей и поэтов, опиравшихся на многовековую общетюркскую литературную традицию, впитывало региональные языковые черты. В статье использована новая для татарского языкознания методика сплошного лексико-морфологического анализа всех привлеченных памятников и статистическая обработка материала. Полученные результаты интерпретируются через призму членения фактов на “базисные” и “референтные”, как это было ранее апробировано Г.Ф. Благовой на материале “Бабур-наме”.

В данной статье дается общая характеристика языка памятников золотоордынского периода, созданных в XIII – нач. XV в. в культурных центрах Золотой Орды: Сарае, Хорезме и мамлюкском Египте. Это произведения религиозно-дидактического содержания: “Кысас ал-анбия” (= КР) Рабгузи (1310), “Нахдж ал-Фарадис” (=НФ) Махмуда ал-Булгари (1358), “Джумджуа султан” (= Дж.) Хусама Кятиба (1369), “Кисекбаш китабы” (= Кб); произведения светского характера: “Хосров и Ширин” (XШ) Кутба (1383), “Мухаббат-наме” (= МН) Хорезми (1353), “Гулистан бит-тюрки” (= Гб) Сейифа Сарай (1391); арабско-кыпчакские глоссарии: например, “Codex Cumanicus” (= СС) (1303); тексты по мусульманской юриспруденции: “Иршад ал-мулук ва ас-салатин” (= ИМ) (1383).

Исходные теоретические позиции нашего исследования базируются на аргументированном понимании состояния тюркских литературных памятников, которые содержатся в разработках Э.Р. Тенишева и его предшественников – А.Н. Самойловича, Э.Н. Наджиба и др.

Положение о единстве литературного языка тюркоязычных народов и об изменчивости его под влиянием живых диалектов лежали в основе предложенной А.Н. Самойловичем периодизации письменной культуры тюрков в рамках исламской цивилизации: первый период – с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования Каракханидского государства; второй – с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кыпчаков; третий – с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях. А.Н. Самойлович придавал особое значение второму периоду, кыпчакско-огузскому, так как именно в этот период, а не в чагатайский, наметилась, благодаря образованию империи Чингисхана, обстановка, благоприятная для выработки единого литературного языка всех мусульманско-тюркских племен монгольского государства и именно к этому периоду относится зарождение главных современных мусульмано-тюркских литературных языков. Ученый прямо указывает на преемственность современного татарского языка по отношению к литературному языку Золотой Орды: “казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не

в XV в., как принято утверждать, а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка" [Самойлович 1928: 21].

Концепция А.Н. Самойловича о преемственности единой книжной традиции получила свое продолжение в трудах Э.Р. Тенишева [Тенишев 1976а; 1976б; 1977а; 1977б]. Признавая обоснованным выделение А.Н. Самойловичем трех периодов в истории развития тюркских литературных языков, ученый предлагает стратифицировать историю тюркских литературных языков не только хронологически, распределяя письменные памятники по периодам, начиная с первого письменного литературного варианта – рунического койне VII–IX вв., но и в пространственном отношении – как региональные варианты. Теоретические положения Э.Р. Тенишева основаны не только на чисто лингвистических фактах, но и на современных теориях развития литературного языка, их типологии, существенным компонентом которых является социолингвистический и комплексный подход к изучаемой проблеме.

Существенный вклад в изучение конкретных памятников интересующего нас периода внес Э.Н. Наджип. Сопоставительное изучение созданных на территории Золотой Орды и Египта памятников, которое основывается прежде всего на выявлении лексических особенностей, выделении лексем по их диалектным признакам и последующей их статистической обработке, привело Э.Н. Наджипа к следующим выводам: 1) к XIV в. оформляется общий для Золотой Орды и Египта кыпчакско-огузский литературный язык й-группы; 2) параллельно с этим качественно новым литературным языком продолжает функционировать более архаичный письменный язык з-группы, который Э.Н. Наджип называет огузско-кыпчакским литературным языком Нижнего Поволжья – Хорезма [Наджип 1965–1994; 1966; 1970; 1975; 1979]. В этих трудах выстроена единая линия развития и преемственности языков и литературных традиций.

Общую линию развития тюрко-татарского языка начиная с XIII в. можно представить следующим образом. Письменно-литературная форма языка начального периода в своем развитии в литературных центрах Золотой Орды ориентируется на фонетико-графические и грамматические нормы литературных языков карахандиско-уйгурского ареала. Это объясняется тем, что указанные ареалы в этот исторический период оставались центрами распространения мусульманской образованности, включавшей, помимо религиозных основ, также и соответствующие формы письменно-литературного языка, в которые облекалась прежде всего религиозно-дидактическая литература. Культурная жизнь Золотой Орды начиная со времен становления самостоятельного государства сопровождалась сильным культурным воздействием знаменитых мусульманских подвижников-богословов, поэтому неудивительно, что в региональных литературных центрах Золотой Орды столь значимые позиции занимал литературно-письменный язык, базирующийся на карахандиско-уйгурском варианте тюркского письменного языка, который закреплял свои позиции и в литературных центрах Золотой Орды. В то же время основное население Джучиева Улуса как оседлое, так и кочевое, являлось носителем племенных языков кыпчакского типа, что доказано трудами историков и культурологов. Хотя среди жителей Золотой Орды, надо думать, преимущественно в городах или среди воинов были носители также и языков огузского и карлукского типов (например, уйгуры в канцеляриях). Таким образом, упомянутые носители мусульманской цивилизации в силу этнодемографических условий оказались в преобладающей среде кыпчакоязычного населения. Данная этническая ситуация способствовала сложению в культурных и торговых центрах наддиалектного койне, базирующегося на кыпчакской языковой стихии. Именно этот факт находит подтверждение в материалах нашего исследования на основе приведенных выше текстов. Оно свидетельствует о воздействии народно-разговорного койне на складывающуюся в указанных условиях норму письменно-литературного языка изучаемого периода. Это влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами нашло разные формы отражения в языке отдельных памятников. Это зависело от ряда факторов: жанровой принадлежности памятника (религиозно-дидактическая литература оставалась

более устойчивой, а светская литература быстрее принимала новации), от образованности и принадлежности автора к определенной литературно-художественной школе, от заказчика произведения (как, например, “Хосров и Ширин” Кутба, “Мухаббат-наме” Хорезми), от конкретных условий места создания, от переписчика.

В тюркологии язык золотоордынских памятников определяется как “смешанный”. Однако относительно содержания термина “смешанный” среди тюркологов нет единого мнения. Под термином “смешанный” тюркологи понимают содержание в тексте памятника фонетических, грамматических, лексических элементов, принадлежащих, с их точки зрения, языку другой классификационной группы: кыпчакской, огузской, уйгурской, карлукской. Очень часто вместо указанной языковой атрибуции эти элементы обозначаются географическими или ареальными терминами: “хорезмийский письменный язык”, “хорезмско-золотоордынский письменный язык”, “восточнотюркский язык”, “золотоордынско-египетский литературный язык” или же даются хронологические определения: древнетюркский, среднетюркский, иногда социально-политические: “мамлюкско-кыпчакский”, “чагатайский язык”. Как правило, при этом четко не устанавливается весь круг памятников, соответствующих этим определениям. Между тем, в современной лингвистике понятие “смешанный язык” имеет конкретное содержание. В частности, его применяют к креольским языкам, которые возникали в специфических социально-культурных условиях. В этих случаях обычно говорят о существенных сдвигах в лексико-грамматической системе контактирующих языков или диалектов. Кроме того, в сложившейся тюркологической традиции под “смешением” имеют в виду не изменение системы языка, а употребление в языке одного памятника диалектизмов, которые в языке иного памятника являются нормой. При этом сюда попадают как синхронные соответствия, так и явления архаичные, свойственные языку иной эпохи. Подобная терминологическая неясность значительно затрудняет сопоставительное изучение языка письменных памятников, поскольку признаки “смешанности” не являются едиными для всех исследователей, что обуславливает потребность в разработке четких и единых критериев для оценки языка памятника. Учитывая сложившуюся в тюркологии ситуацию с термином “смешанный язык” памятника, мы предпочитаем при атрибуции исследуемых текстов говорить не об их смешанном характере, а о соотношении нормативности и вариативности фиксируемого в языке данного памятника.

Также мы широко используем введенные Г.Ф. Благовой понятия “базисной” и “периферийной” систем [Благова 1979; 1987; 1994], которые соотносятся также с понятиями нормы и вариативности. Эта методика, продемонстрированная на примере тюркской падежной системы, оказывается достаточно удачной при анализе других грамматических категорий тюркских языков, поэтому при квалификации языка памятника мы тоже идем на расслоение текста и вычленение в нем базисных и периферийных элементов, не только склонения, но и категорий глагола, прежде всего видо-временных форм. Кроме того, эти же понятия мы распространяем и на фонетические и графические характеристики каждого памятника. На примере выделенных нами фонетико-графических и морфологических признаков и их статистической обработки показано, что каждый письменный памятник есть конкретное и живое отражение языковых ситуаций. Можно констатировать, что в ранних памятниках Золотой Орды устойчиво сохраняется караханидско-уйгурская традиция, параллельно с которой именно в Поволжье формируется новый вариант регионального литературного языка. Караханидско-уйгурская языковая традиция графо-фонетически проявляется в следующем: сохранение анлаутного алифа и пропуск гласного в закрытом слоге, как в древнетюркском, ср.: *اذكو* ‘adgü ‘хороший, праведный’, *آر* ‘är ‘мужчина’ и *اير* ‘ir ‘воин’; сохранение губной гармонии; употребление графемы *-δ* (*quouγ* ‘колодец’), написание глухого *-q-* в интервокальной позиции (*saγyndy* ‘он подумал’), сохранение устойчивых традиционных сочетаний типа *-ауу*, *-иуи*, *-ууу* (*biγun* ‘сустав’), а также ауслаутного *-γ* (*saγyγ* ‘желтый’). В то же время последовательность реализации этих признаков в конкретных текстах, как показывают наши статистические данные, колеблется от максимального проявления по ниспадающей линии.

Распределение фонетических признаков по памятникам

		КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	ИМ
Карах.-уйгур.	алиф	О	О							
	лабиал.	О	О	О	О	О	О	О		
	-δ	О	О	О	О					
	-q-	О	О		О	О	О	О		
	-aʁu-	О	О	О	О	О	О	О		
	-ʁ	О	О	О	О	О				
Вариатив.	ä ~ i		■	■						
	u ~ y		■	■					■	■
	δ ~ j		■			■				■
	q ~ ʁ		■			■		■		
	aʁu > au					■			■	■
	ʁ – пр.					■				
Кыпч. койне	i			О	О	О	О	О	О	О
	делабиал.			О		О	О	О	О	О
	j			О			О	О	О	О
	w								О	О
	au								О	О
	пропуск -ʁ							О	О	
Уйгур. признаки						О		●		

О – базисное употребление.

■ – вариативное употребление.

● – периферийное употребление.

Из фонетико-графических признаков устойчивыми оказываются следующие: губная гармония, интервокальное -q- и сочетание типа -aʁu-. Из фонетических признаков наиболее динамичным, менее устойчивым является [ä], который последовательно уступает позиции узкому нелабиализованному гласному переднего ряда [i], что определяет графически -l > ʁl, а также смена -δ- признаком -j-, так как язык памятников отражает то состояние, когда j-графема проникает в язык текстов: äjär 'седло', ıjmaq 'спать', qajı 'горе'.

Таким образом, максимум из выделенных фонетических признаков караханидско-уйгурской традиции реализуется в "Кысса ал-анбия" Рабгузи, минимум – в "Codex samanicus" и "Иршад ал-мулук".

Если же от фонетических характеристик обратиться к морфологическим характеристикам, то можно увидеть, что они также являются отражением тех же общих закономерностей формирования языка золотоордынского периода. Показательно, что их морфологические параметры коррелируют с фонетико-графическими явлениями.

Рассмотрение морфологических категорий приводит к следующим выводам. Системное изучение склонения в языке памятников и соотнесение всех данных, полученных из анализа каждого памятника, учет всех совпадений и расхождений позволяют утверждать, что именно в XIV в. начался переход от уйгурско-кыпчакского типа склонения к кыпчакскому типу. К уйгурско-кыпчакскому типу относится склонение в языке "Кы-

сас ал-анбия” Рабгузи, “Нахдж ал-Фарадис” Махмуда ал-Булгари, “Хосров и Ширин” Кутба. Кыпчакский тип склонения доминирует в языке “Тулистан бит-тюрки” Сараи, “Мухаббат-наме” Хорезми, “Джумджума султан” Катиба, “Кисекбаш китабы”, “Codex cumanicus” и “Иршад ал-мулук”. Совокупность форм, оставшихся за пределами базисной системы склонения, во многом совпадает. Например, в именной парадигме к таким формам относятся дательный падеж на *-a* (в XIII, Гб, МН, Дж), винительный на *-i* (в МН, Кб), исходный падеж на *-dan* (в XIII, МН). Учет их положения в системе склонения каждого памятника позволяет отнести их к склонению огузского типа и считать их инодиалектными по отношению к базисной системе склонения.

Анализ синтетических **видо-временных форм глагола** также продемонстрировал активное взаимодействие письменно-литературной традиции с региональным койне, причем это взаимодействие оказалось неоднородным и варьирующим в языке конкретных золотоордынских памятников.

В сфере форм прошедшего времени в языке памятников XIII – нач. XV в. наиболее распространенной и многозначной была форма на *-dy*. Употребление всех трех форм перфекта: *-myz*, *-yan*, *-yp tur* – довольно ограничено, и они отражают живой процесс изменения системы перфектов: вхождение новой формы *-yan*; *-myz* – как поэтико-выразительное средство престижной книжной традиции, *-yp tur* – разговорно-диалектная форма, которая активно проникала в литературный язык: *ikki tävä satryn alup tururmän säkiz jarmaqqa* ‘Я купил за восемь копеек два верблюда’.

Система времен настоящего и будущего. Во всех памятниках исследуемого периода наиболее употребительной временной формой настояще-будущего плана является аорист *-ar/-ur*. В текстах КР, НФ, Дж, Кб, XIII, МН, Гб, СС, ИМ реализуются значения: а) настоящего конкретного времени; б) обычное повторяющееся действие; в) действие, которое совершится в будущем. Для формы *-jur* в значении настоящего конкретного времени спряжение осуществляется с помощью полных лично-числовых показателей, характерна структурная единообразность. Вариативность выделяется в парадигме спряжения 1-го лица мн. числа: *-myz* ~ *-byz*. Нормативной формой считается показатель *-myz*. Однако 1-е лицо мн. числа фиксируется крайне редко. В языке КР, НФ встречается *-myz* и *-byz*, причем *-myz* является нормативной. В языке XIII, МН, Гб, ИМ зарегистрирована лишь единичная форма на *-byz*, а в Дж и Кб форма 1-го лица мн. числа вообще отсутствует.

Настоящее время на *-a* в памятниках характеризуется малой частотностью. Не встречается в языке КР, НФ; в Дж, Кб, XIII зафиксированы единичные примеры преимущественно в 3-м лице ед. числа.

В языке “Нахдж ал-Фарадис” форма на *-a* в значении настоящего времени не отмечена, однако в презентную парадигму этого памятника активно внедрилась аналитическая форма *-a turur*, которая с высокой частотностью употребляется во всех трех лицах ед. и мн. числа. Основной функцией этой формы можно считать выражение настоящего актуального действия, связанного с моментом речи или фактом сообщения; ср.: *käfer-lär küllüş-ü turur-lar* ‘неверные продолжали смеяться’. Внедрение этой формы в глагольную систему памятника, которая в целом характеризуется базовыми карахандиско-уйгурскими признаками, свидетельствует об активном давлении кыпчакской разговорной стихии, носителем которой был, очевидно, автор памятника Махмуд Булгари, выходец из Поволжья. Этот показательный пример того, как книжная традиция подвергается давлению регионального койне кыпчакского типа.

Будущее на *-yaj* является продуктивной формой в языке всех памятников и выступает как основная форма выражения будущего времени. Однако в единичных примерах выражается модальное значение желания: ср. *oġum uluŋaj-sa ul saxraqa barŋaj buzaŋyny talab qylŋaj* (НФ) ‘когда сын вырастет, пусть идет в ту степь и потребует того теленка’.

Как правило, в поэтических текстах отмечается усеченная форма на *-ŋaj* с тем же значением. Примечательно, что усеченная форма на *-ŋaj*, ожидаемая в поэтическом языке XIII, встречается в прозаическом тексте ИМ, что можно объяснить идиолектом их переписчика – кышчака Берке Факиха.

Другие члены парадигмы настоящего и будущего времени, характерные для языка караханидско-уйгурских памятников -*уи*, -*уsаr*, -*уиçу*, -*даçу* в наших памятниках занимают периферийное положение, но отдельные случаи употребления зафиксированы в языке КР, НФ, Гб, Дж. Соотношение временных форм видно из табл. 2.

Таблица 2

Распределение видовременных форм по памятникам

Формы	КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	ИМ
Претерит -dy	О	О	О	О	О	О	О	О	О
Перфект -myş	О	О	●	О	●		●	●	●
Перфект -уап					●	●		●	●
Перфект -уап турur		●						●	●
Перфект -ур tur(ur)		●				●	О	О	●
Перфект -ур					●		О	О	О
Настоящее -а tur(ur)	●	О			●				
Настоящее -а			●	●	●		●	О	●
Будущее -уај	О	О	О	О	О	О	О	О	О
Будущее -ysar			●	●	●		●		
Будущее -уisy	●								

Рассмотрение системы времен в языке наших памятников показывает, что эта система наряду с устойчивыми базовыми компонентами, восходящими к более ранним этапам развития тюркских языков и отражающими преимущественно караханидско-уйгурскую языковую традицию, в новом, в Поволжском ареале, так же, как и система склонения, претерпевает заметные сдвиги в сторону включения в систему новых местных региональных форм кыпчакского типа (ср.: -а, -а tur(ur), -уап, -yb, -ybtur). Характерно, что язык отдельных памятников отражает разные этапы этой динамики (сравните язык НФ и МН).

Что касается неличных форм глагола, то среди них главный интерес представляет распределение причастных форм в атрибутивной функции в языках разных памятников. Отметим, что здесь встречаются формы всех причастий, известных в истории тюркских языков рассматриваемого периода: -r, -уап, -ап, -myş, -уи, -уиçу, -duq, -daçу, -asy. Как видно, среди них есть формы, типичные для огузской и уйгуро-огузской, карлукской языковой групп и языка кыпчакской группы. Формы огузские и уйгурские занимают самое периферийное место среди неличных атрибутивных форм: -ап, -asy, -уи, -duq, -уиçу, -daçу. Основная конкуренция в атрибутивной функции наблюдается между частотными -уап и -myş, причем в языке конкретных памятников вызывает интерес их соотношение по частоте употребления. В целом, доминирующей оказывается форма на -уап, хотя и форма -myş еще воспринималась авторами памятников как полный ее семантический эквивалент, который можно было использовать в художественных текстах.

Деепричастия в системе неличных форм имеют следующие показатели: -р, -а, -ä, -и, -ü, -уау, -уиңа, -uban, -уаç.

Как и в случае с атрибутивными формами, наши статистические данные показывают, что уйгуро-огузские формы, являющиеся нормой в литературных памятниках караханидского периода, уступают место доминирующим показателям -р, -а, -и. В качестве новаций можно рассматривать форму на -уаç, которая наиболее частотна в языке ХШ; ср.: *basqaq haraž ul'уаç qylur här dam il'ži* 'завоеватель когда возьмет дань, каждый раз направлял послов'. Следует отметить, в тексте КР, НФ, ХШ, МН встречается ис-

пользование единичных форм деепричастия на *-a* в качестве обстоятельства. Например: *toja taγam jimädim* (НФ) “я не ел насытившись”, *kilä äjtür* (ХШ, 195) “проходя ска- зал” и др., т.е. в функции, характерной для языка более раннего периода. Этот факт, как нам представляется, важен не только для истории татарского литературного язы- ка, но и для истории татарского языка в целом, поскольку позднее нормой становится парное использование данного деепричастия. Однако уже язык наших памятников фиксирует нередкие случаи парного употребления формы на *-a*, *-u*.

В сфере неличных субстантивных форм абсолютно доминирует форма *-maq*, сино- нимом которого выступает *-taγu*. Сама форма *-maq*, которая известна ряду тюркских языков, в целом характеризует все же тюркские языки восточного ареала, и ее фикса- ция в литературных памятниках связана скорее с посткараханидским периодом, она по- лучает широкое распространение начиная с языка золотоордынских и чагатайских па- мятников. На ее фоне в языке рассматриваемых памятников формы глагольных имен на *-uγ*, *-u* относятся к периферийным формам и, как показывают примеры, зафиксиро- ваны в единичных случаях.

Из девяти проанализированных нами памятников только в языке ХШ, МН, Гб, СС фиксируется новая субстантивная форма *-rγu*. Она функционируется чаще всего как форма супина, т. е. обозначает цель какого-либо действия; ср.: *seniñ uşqıñda sajra-rγu Xaräzmi* (МН) ‘чтобы петь твою любовь, Хорезми’. Несмотря на низкую частотность, это форма является региональной, свойственной для языка Поволжского региона. Та- ким образом, рассмотренные памятники фиксируют начальный этап распространения этой формы в языках Поволжья.

В результате проведенного исследования установлено, что в культурных центрах Золотой Орды с начала XIV в. (как условная дата) начинает формироваться тот регио- нальный вариант тюрко-татарского литературного языка, который в дальнейшем раз- вился в старотатарский литературный язык. Язык в дальнейшем своем развитии про- ходит сложный путь, и все же в его структуре еще длительное время были сохранены следы караханидско-уйгурской традиции, базовой для всех тюркских литературных языков.

Проведенный языковой анализ имеет важное социолингвистическое содержание. С одной стороны, он позволил увидеть истоки старотатарского литературного языка. С другой стороны, определена роль регионального койне кыпчакского типа, которое, будучи распространено в пределах Золотой Орды, оказало решающее влияние на из- менение традиционного литературного письменного языка. Наши материалы и пре- жде всего статистические данные убедительно доказывают, что в культурных центрах Золотой Орды, в Поволжье складывалась этнодемографическая ситуация, в которой решающую роль играли тюркские племена, носители древнекыпчакских диалектов. Следовательно, лингвистические данные убедительно подтверждают результаты ис- торических исследований о процессах кыпчакизации местного населения начиная с XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Благова 1979 – Г.Ф. Благова. О принципах лингвистического изучения тюркских текстов // ВЯ. 1979. № 6.
- Благова 1987 – Г.Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении: юго- восточный регион. М., 1987.
- Благова 1994 – Г.Ф. Благова. Бабур-наме. Язык, прагматика текста, стиль М., 1994.
- Наджип 1965–1994 – Э.Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века: Автореф. дис. ... док. филол. наук М., 1965–1994.
- Наджип 1966 – Э.Н. Наджип. “Хосров и Ширин” Кутба и его язык // Тюркологический сбор- ник. М., 1966.
- Наджип 1970 – Э.Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных пись- менных тюркских языках // Советская тюркология. 1970. № 1.

- Наджип 1975 – Э.Н. *Наджип*. Тюркоязычный памятник XIV века “Гулистан” Сейфа Сарай и его язык. В 2-х кн. Алма-Ата, 1975.
- Наджип 1979 – Э.Н. *Наджип*. Исследования по истории тюркских языков IX–XIV вв. М., 1979.
- Самойлович 1928 – А.Н. *Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир-Али Шир. Л., 1928.
- Тенишев 1976а – Э.Р. *Тенишев*. О построении народно-разговорного и литературного языков // Тюркологические исследования. М., 1976.
- Тенишев 1976б – Э.Р. *Тенишев*. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica. Л., 1976.
- Тенишев 1977а – Э.Р. *Тенишев*. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка // Социальная и функциональная дифференциация литературного языка. М., 1977.
- Тенишев 1977б – Э.Р. *Тенишев*. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // Советская тюркология. 1977. № 5.
- Тенишев 1988 – Э.Р. *Тенишев*. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков // Советская тюркология. 1988. № 3.